

18+

Лето

в стране неприкаянных фей

Марина Мерт

Марина Мерт

Лето в стране неприкаянных фей

«Издательские решения»

Мерт М.

Лето в стране неприкаянных фей / М. Мерт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-657350-5

Будучи переписчицей книг в монастыре, Летиция привыкла скрывать свое свободомыслие. Но однажды она привлекла внимание Королевы фей, которая унесла ее за горы и поручила помочь феям вернуться в свой истинный мир. В своих поисках нареченная Лето открывает для себя невероятные вещи, о которых прежде не могла и мечтать. Однако феи скрывают много причудливых и жутких тайн, а открытие прохода на их родину может обернуться жестоким столкновением двух миров.

ISBN 978-5-00-657350-5

© Мерт М.
© Издательские решения

Лето в стране неприкаянных фей

Марина Мерт

© Марина Мерт, 2025

ISBN 978-5-0065-7350-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

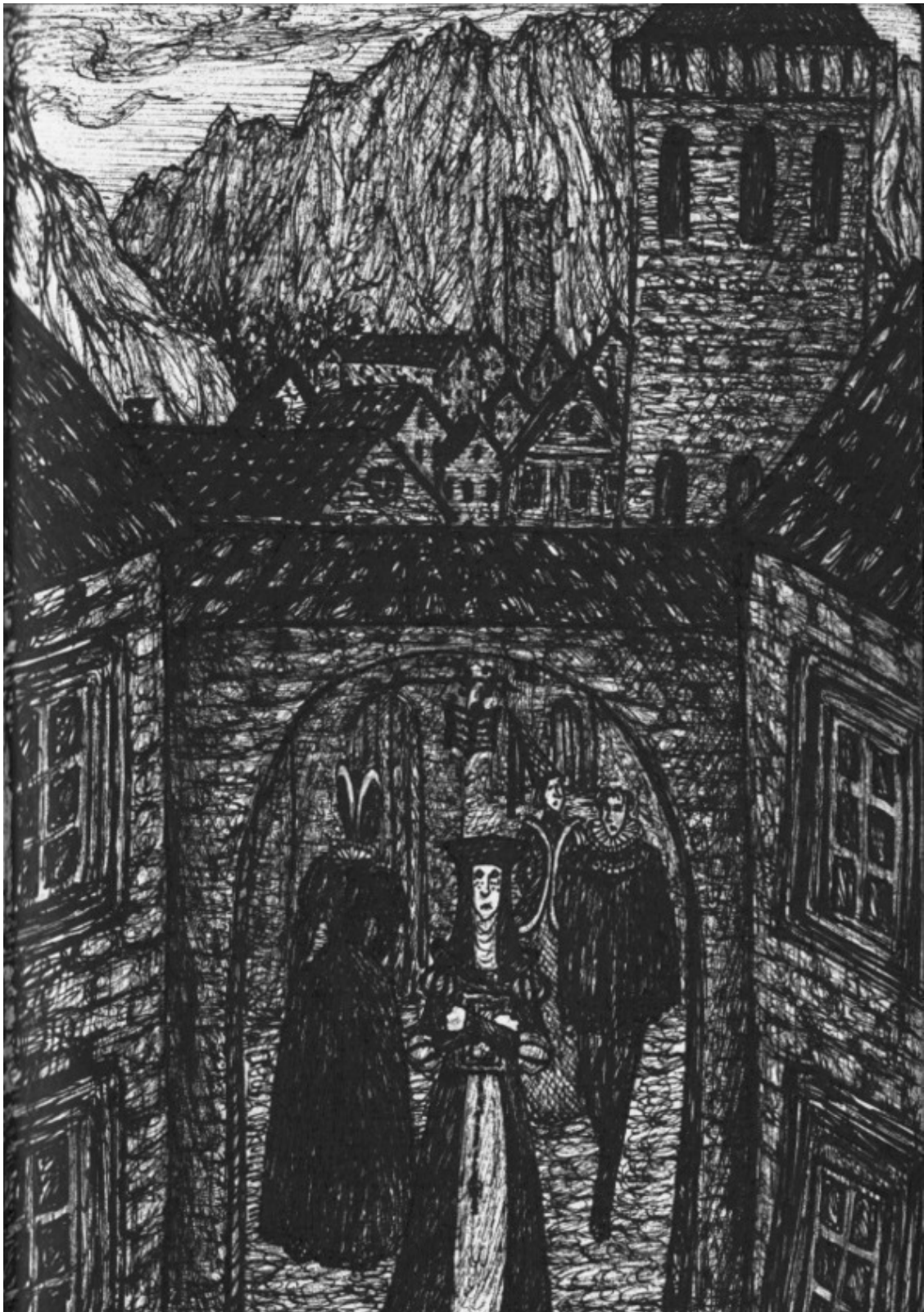
На стыке эпох стоял нерушимый город,
Силу человеческого духа показывал он.
Морем был отрезан от большого мира,
От дивного народа – горами огражден.
После темных веков очнулся, встречая
Новой эпохи ослепительный рассвет.
Все были ее частью, все к ней тянулись,
Но непоколебим против прилива бастион.
Обошел его стороной огонь очищенья,

В других землях спаливший все чудеса.
Волшебные существа сменили форму,
Только через горы было им не пройти.
Каменные стены небеса подпирали,
Чтоб не зашло солнце над городом тем.
Корабли из-за моря с вестями плыли,
О мире напоминая за пределами его.
В единой вере человечество окрепло,
В просвещении оно поднялось с колен.
На этой бесплодной земле выросло
Цитадель жизни, без хаоса или чумы.

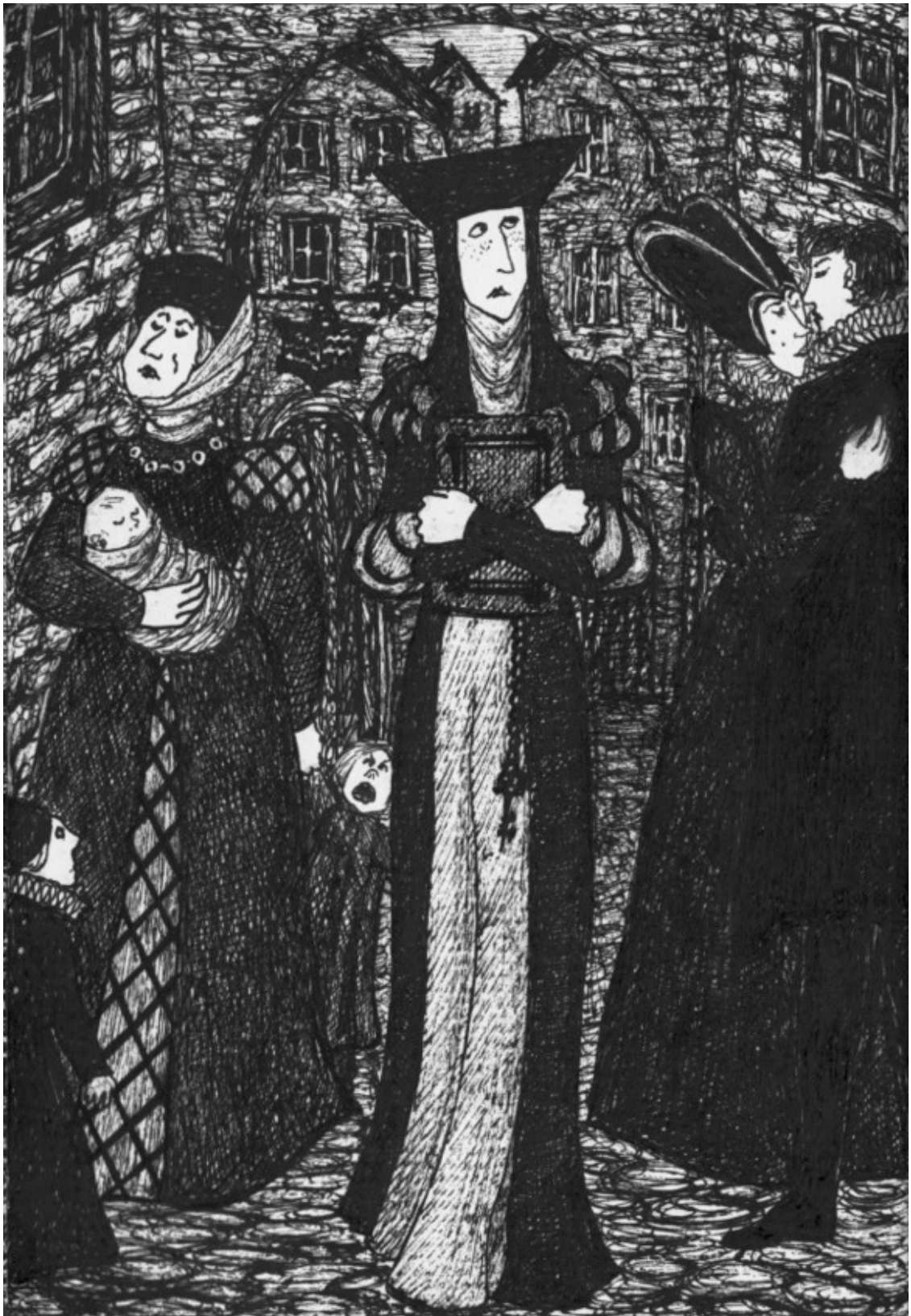
Встречала зарю без лучей надежды
Летиция, дева с пронзительным умом.
Бремя человека в страхе неизвестности
Ужасом величия сменялось на ее глазах.
Идеи, что настроения людей опережали,
Преследовались и превозносились здесь.

Ее не пускали оковы раннего рождения,
Ведь быть свободной – значило убежать.
С детства она знала голос эха осуждения
И успела вкусить несправедливости плоды.
Задавалась вопросом, такой ли родилась,
Или душевные страдания изменили ее.
Летиция была полна идей своенравных,
Но научилась молча свои мысли скрывать.
Наедине с собой она восторг находила,
С тайнами в ночи, известными лишь ей.
Шла безопасным путем, себя не предавая,
К мрачному будущему в лабиринтах дорог.
Женский монастырь она нашла на выходе.
Пристанище, где освобожденье ее ум обрел.

**Но вера Летиции была не столь велика,
Как страх греха и неизбежной расплаты,
Тенью следующей за каждым шагом ее,
Всегда смертью мучительной грозящей.
Все, от чего желала закрыться она,
Другие беззаботно напоказ выставляли.**

**Все выборы, что принадлежали ей,
Можно было оправдать только верой.
Завидовала она влюбленным порой,
Но как яд любви берет свое, чаще видела,
Как, считая лучше долгой жизни без любви,
Раннюю смерть принимают за награду.
«В бесплодии восхитительного ничего», —
Летиция с обеих сторон слышала.
Детей имеющие желали того же всем,
Слова иных скрытая тоска пронизывала.
Летиция не могла согласиться ни с кем,
Так молчала она, наставленья вспоминая.
Не изучать порочность, закрывать глаза,
Избегать конфликтов, о жалких молиться.**

Летиция искренне жизнь вере посвящала,
В возвышенности нашла утешение она.
Она традиции своего монастыря чтит,
Ритуалы наполняя смыслом, близким ей.
Вверяла себя высшим силам, не смертным.
Лишь божественное добро ее мысли вело.

Она отвергла поверхностное, искала истину
В том, с чем душа ее смириться не могла.
К пониманию всего Летиция стремилась,
Хоть верить – и не означает понимать.
Она свой собственный путь проложила
В загадочном путешествии к небесам.
Ее брренное тело отмечено звездами,
По великому замыслу ангелов одних.
Ее преданность поиску света истины
Входила за пределы земных преград.
Настоятельница плела кружево знаний,
Летиция распускала прошлого узлы.
Она вникала в смыслы, распутывая связи,
В поисках нитей, с которых все началось.

Была ненасытна ее тяга к знаниям,
Далеким от обыденности мирской.
Усердие в учении сделало Летицию
Превосходной переписчицей книг.
Ее выносливость границ не знала.
Копировала манускрипты допоздна,

Не отвлекаясь на посторонние звуки,
Вниманием к тексту она была остра.
Порой книги из-за моря приходили,
Созданные с помощью печатного станка,
Однако старые обычаи имели очарование,
Что современность превзойти не могла.
Каждое слово Летиция могла обдумать,
Тщательно выписывая каждую строку.
В ее руках каждая книга была храмом,
Сокровищницей опыта забытых веков.
Она дорожила своей трудоемкой работой,
Ведь ей было вверено эти знания передать.
Для нее это было не устрашающей задачей,
Ведь скрытые смыслы это открывало ей.

В каждую книгу погружаясь, Летиция
Теряла себя в мирах чудовищ и чудес,
Где суды ангелов наказывали грешников
За то же, за что вознаграждали святых.
В небесах то было частью одной правды,
Завораживающе близко, но так далеко.

Бесконечные муки спиралью свивались,
Вечное блаженство обращалось пустотой.
Погибало ль тело в гнили или пепле,
Растворялась ли душа в свете иль огне,
Они оживали в памяти и на страницах,
Миру свои величайшие истории неся.
Не знали авторов почитаемые книги,
Доставшиеся людям как истина одна.
Новые книги открывали точки зрения,
Сквозило дыханье святотатства в них.
Летиция мечтала о собственной книге,
Которую она бы не осмелилась написать.
В грандиозном повествовании мира
Описывать чужие судьбы хватало ей.

Там, где тайны тонули в эхе гулких залов.
Среди молчаливых стен монастыря
Хранилась книга, запретная для чтения,
Мировосприятие способная перевернуть.
Ее страницы прикасались к неосяземому,
Созданные, чтоб сильных предупреждать.

Воображение – болезнь неведомого —
Худшее творило с неокрепшим умом.
Настоятельница Летиции вверила силу
Встретиться с этой тьмой лицом к лицу,
Из всех сестер, ведь ее нутро не знала,
Избрав, чтобы опасное знание передать.
Летиция колебалась, ее руки дрожали,
С тревогой боролось желание знать.
Приняв, она могла погрузиться в хаос.
Отказавшись, она могла вечно сожалеть.
Летиция взяла книгу, объята страхом
Пред тем, что может из нее узнать.
Предчувствуя недоброе, она знала,
Что этого не хватало ей всю жизнь.

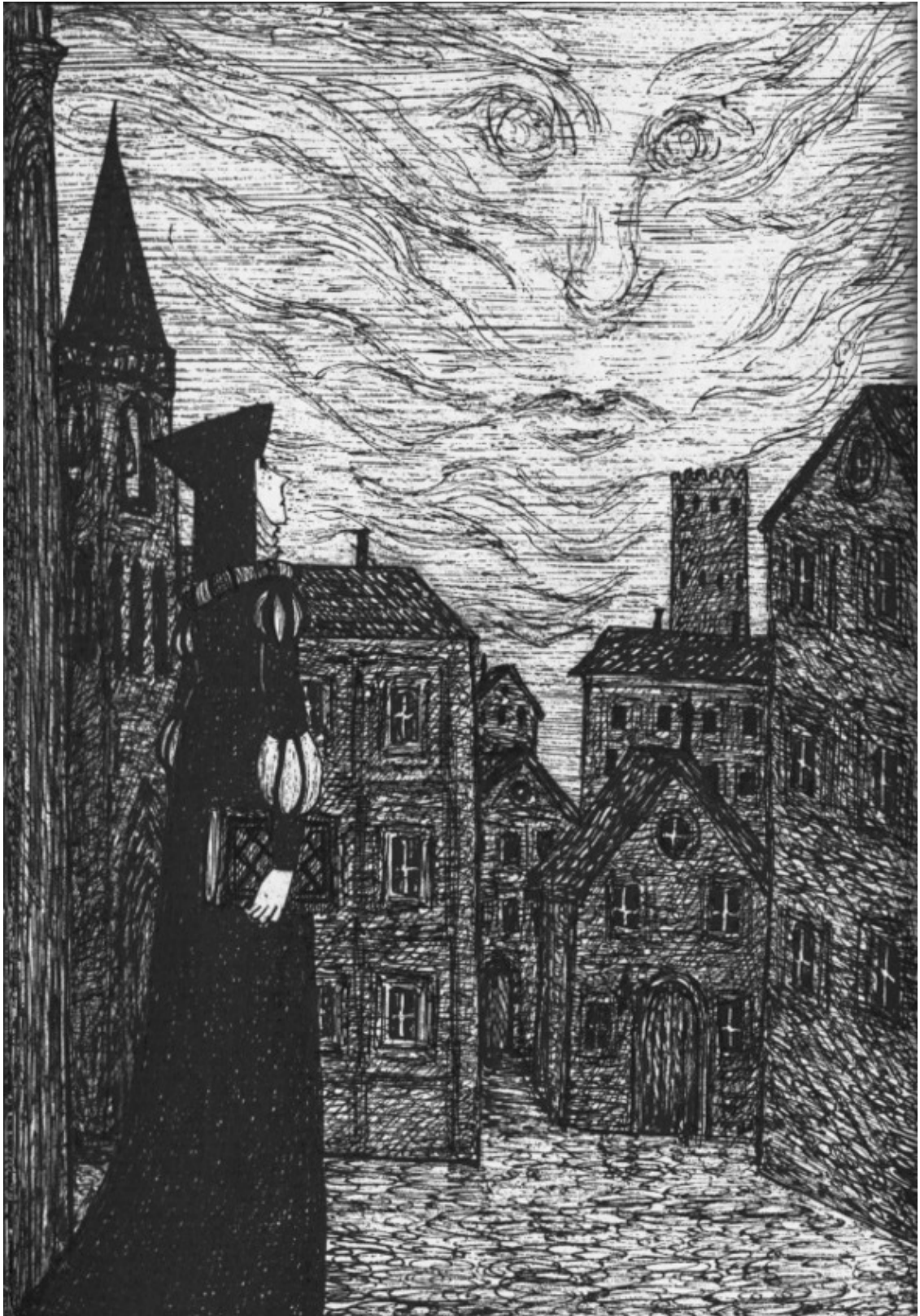
Сборник предостерегающих историй о феях
Не мог причинить вреда на первый взгляд.
Или могло признание, что детьми магии
Беспокойные души обратиться могли?
Их мораль была чужда смертному разуму?
Или угроза в самом описании мира была,

Где прекрасное и ужасное всегда едины?
Или же книга рассказами внушала страх,
Что феи умирающих детей похищают,
Или подменяют здоровых на больных?
Летиция такое уже слышала в детстве,
Потому ли Настоятельница выбрала ее?
Только когда ищешь скрытые измерения
В чем-то большем, опасность на пути.
Тончайшие духи себе лазейки находят
Чтобы сквозь них проникнуть в мир людей.
Мир вокруг нее померк, пока она читала,
Предчувствие грядущего отразила тень.
Ибо привлечь внимание дивных созданий
К себе можно одним интересом к ним.

Закончила работу Летиция над книгой
Быстрее, чем над любой другой.
Боялась думать о ней слишком долго,
Не углублялась, чтобы не навлечь беду.
Но едва покинув монастыря стены,

Она поняла, чего было не избежать.
Город был одинок и безмолвен,
Улицы пустынно, жизни лишены.
С шумом общества ничто не сравнится,
В иное время она бы обошлась без него.
Но она чувствовала себя не одинокой.
Свет и тень плясали на закрытых глазах.
Летиция не страдала виденьями прежде,
Как некоторые из посвященных сестер,
Но когда она обратила глаза к небу,
Перистые облака образовали лицо.
Летиция ощутила связь с неизведанным:
То был не знак свыше, не Матери лик,
Не отражение ее внутренних мыслей.
Лицо с неба смотрело прямо на нее.

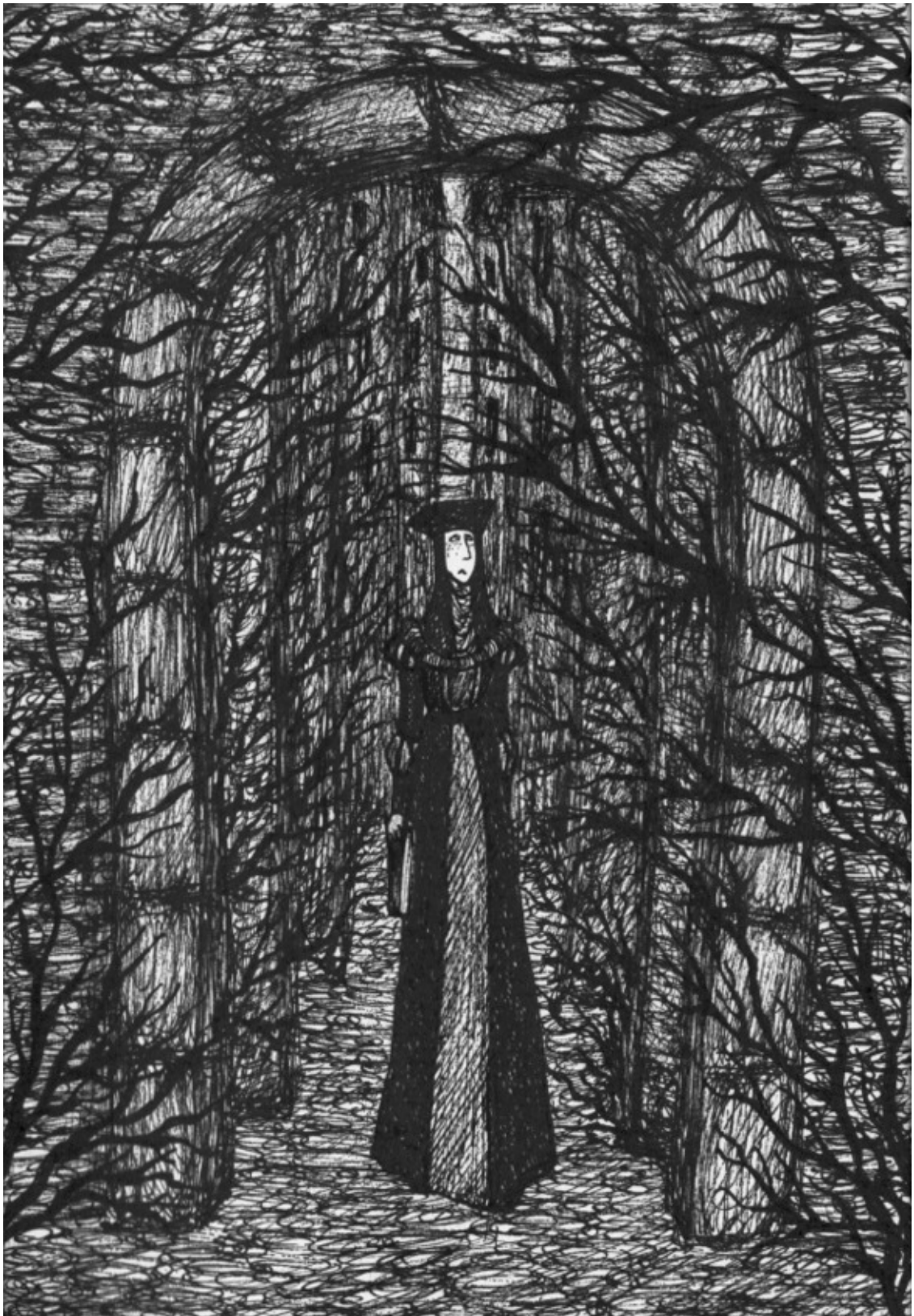
Как зачарованная Летиция шла по улице,
Назад не повернула, укрыться в монастырь.
Что она видела, было ей предназначено,
Призывая ответить за посеянные семена.
В переулке дико разрослись не деревья —
То ветви камень подточили изнутри.

Брошенные строения природа поглощала,
Только жители домов не были мертвы.
Они затаились, ветвей коснуться не смея,
Или пытались, но не смогли их остановить.
Каждый шаг приближал обреченность:
Сила книги слишком велика для чужих рук.
Если городу никогда не бывать прежним,
Летиция собиралась лицезреть его крах.
Не поборол свой рок – любопытство,
Долг и послушание стали для нее одним.
Теперь, что бы ее в конце пути ни ждало,
Должна была Летиция книгу передать.
Что никому кроме нее не была доверена,
Что Барон так или иначе бы заполучил.

Летиция не знала этих улиц, и все же
Места казались смутно знакомыми ей.
Будто некогда во сне ей виделась дорога,
Тишиной окутанная, как густой туман.
Может, улицы всегда одинаковыми были:
Разными их делали люди, обитающие там.

Не стоило идти одной, думала Летиция,
Может, ей не следовало идти совсем.
Барон мог сам прийти за своей книгой.
А у Летиции было мало причин выходить.
Ей бы понравилось бродить по руинам,
Временем забытым, покинутым людьми.
Если бы она могла освободиться от тревоги,
От чувства, что все должно быть не так.
Но она несла вину за эхо пустых улиц,
И единственным звуком были ее шаги.
По пересохшим венам города немого
Этот путь ей было суждено пройти одной.
За ворота усадьбы, к самому сердцу,
Откуда жилой тянулась каждая ветвь.

Объявления с каждой стены глядели,
Хранили забытые тайны минувших дней.
Призывы о поиске, без ответа оставленные.
Чем ближе к усадьбе, тем было больше их.
Усадьба Барона процветала когда-то.
Как давно его люди начали исчезать?

Призраков того, что потеряно было,
Сердце Летиции вдруг кольнула грусть.
Но двигаться вперед она продолжала,
Движимая стремленьем дело завершить,
Скорее уйти от мглы, за ней следящей,
И в мрачных глубинах мудрость найти.
С объявлений на Летицию смотрели
Портреты знаменитых авторов книг.
О некоторых она узнала недавно,
Другие были мертвы несколько веков.
Она остановилась прочесть об их смерти,
Но на поиске настаивали подписи все.
Все эти личности пропали без вести
Из заморских стран и ушедших времен.

Летиция начала читать вслух, забывшись,
Потерянная в озадачивающих словах,
Что замерла жизнь вокруг, полагая,
Что ее слабый голос не услышит никто.
«Вы... можете прочитать это?» —
Вопрос позади нее нарушил тишину.

Вздвогнув, Летиция обернулась
И кивнула, молодого Барона узнав.
«Вы знаете этих людей?» – спросил он,
Печально, не ожидая услышать ответ.
«Знаю», – ровным тоном Летиция сказала,
Не смея говорить неправду рядом с ним.
Лицо Барона вдруг обнадежено просияло.
«Не как личностей, но как творцов», —
Спешно Летиция уточнила, подозревая,
Что Барон искал больше, чем имена.
Она могла назвать каждое произведение,
Процитировать впечатлившие ее места,
Но не указать на странность объявлений
Такому влиятельному мужчине, как он.

Грустный Барон ее внимательно слушал,
И подивился пронизательности ее слов.
«Я не встречал более умной женщины», —
Голосом, полным тоски, прошептал он.
«Они уже со мной, но я не прощу себе,
Если не покажу библиотеку, что собрал».

Летиция хотела лишь передать ему книгу,
Но по темным залам он за руку ее повел.
Она не чувствовала себя вправе отказаться,
Но не должна была подавать ему надежд.
Найдя в библиотеке работы этих авторов,
И отставив книгу, она бы немедля ушла.
По анфиладам усадьбы они проходили,
Обсуждая неуловимых книг творцов.
Летиция умела обращаться со словами,
Расшифровать смысл, читать меж строк.
В мгновение между литературой и жизнью
Летиция и Барон нашли общий язык.
Но страницы их умов были несовместимы,
И их пути лишь случаем пересеклись.

Подступив к бездне, они начали спускаться.
Винтовая лестница простиралась вглубь,
Как башня, до небес не вздымающаяся,
Но уходящая в земные недра далеко.
Барон сказал, что глубока его библиотека,
Как знания, хранящиеся в стенах ее.

Но Летиция полагала, это предлог лишь,
Чтобы иметь помещение втайне от всех.
Когда они спустились еще ниже,
Воздух мертвенно холодным стал,
Голый камень стен почернел от сажи.
Свет сверху погас, оставив их во тьме,
Барон шел впереди, путь показывая.
Глухо стучали по кирпичу его шаги.
Летиция следовала за ним с трепетом,
Страх неизвестности в ее сердце был.
Но если это избавит город от напасти,
И ясное небо народу усталому вернет,
Мысль о том, чтобы не видеть солнца,
Уже столь удручающей не казалась ей.

Перед ними раскинулась библиотека,
И Летиция от благоговения замерла.
Держали своды, как знания – цивилизацию
Бесконечные ряды книжных шкафов.
Барон хвалился читальней подземной,

Летиция на мгновение позабыла о нем.
В этом необъятном хранилище секретов
Она предчувствовала, что найдет свой,
В тусклом свете взирая на пыльные книги,
С загадочными символами на корешках.
Она поняла, что библиотека необычна,
Шепот магии – знания с той стороны.
Но теперь она оказалась в ловушке
Необъятных сведений о всех мирах.
Для Летиции то был предел мечтаний,
И она бросала вызов своим мечтам.
Только Барон путь преграждал ей,
Предвкушение плясало в его глазах.
Ради доступа к вселенской мудрости,
Летиция не отказалась продолжать.

Темнейший обеденный зал позади оставил
Подземную библиотеку, сокровище для глаз.
Чтобы прикоснуться к ее великолепию,
Летиции пришлось Барону подыграть.
Приглашение к еде – любезная уловка —

За столы, где восседали известные творцы.
Застывшие во времени, без тлена и упадка,
Пировали как ожившие портреты они там.
Писатели прошлого, нетронутые годами —
Зрелище вызывало изумление и страх.
Летиция, пойманная в темные объятия,
Оказалась в месте вне времени среди них.
Свечи мерцали, рисуя сполохи на лицах,
Пока Летиция размышляла о роли своей.
Компания Барона – о цене напоминанье:
Завладеть бесценным, чтобы потерять все.
Из зала, где осмелились ожить истории,
Правда бежала в мир, где слова сильны.
Разобраться должна была в игре странной
Летиция, чтобы свободу и честь защитить.

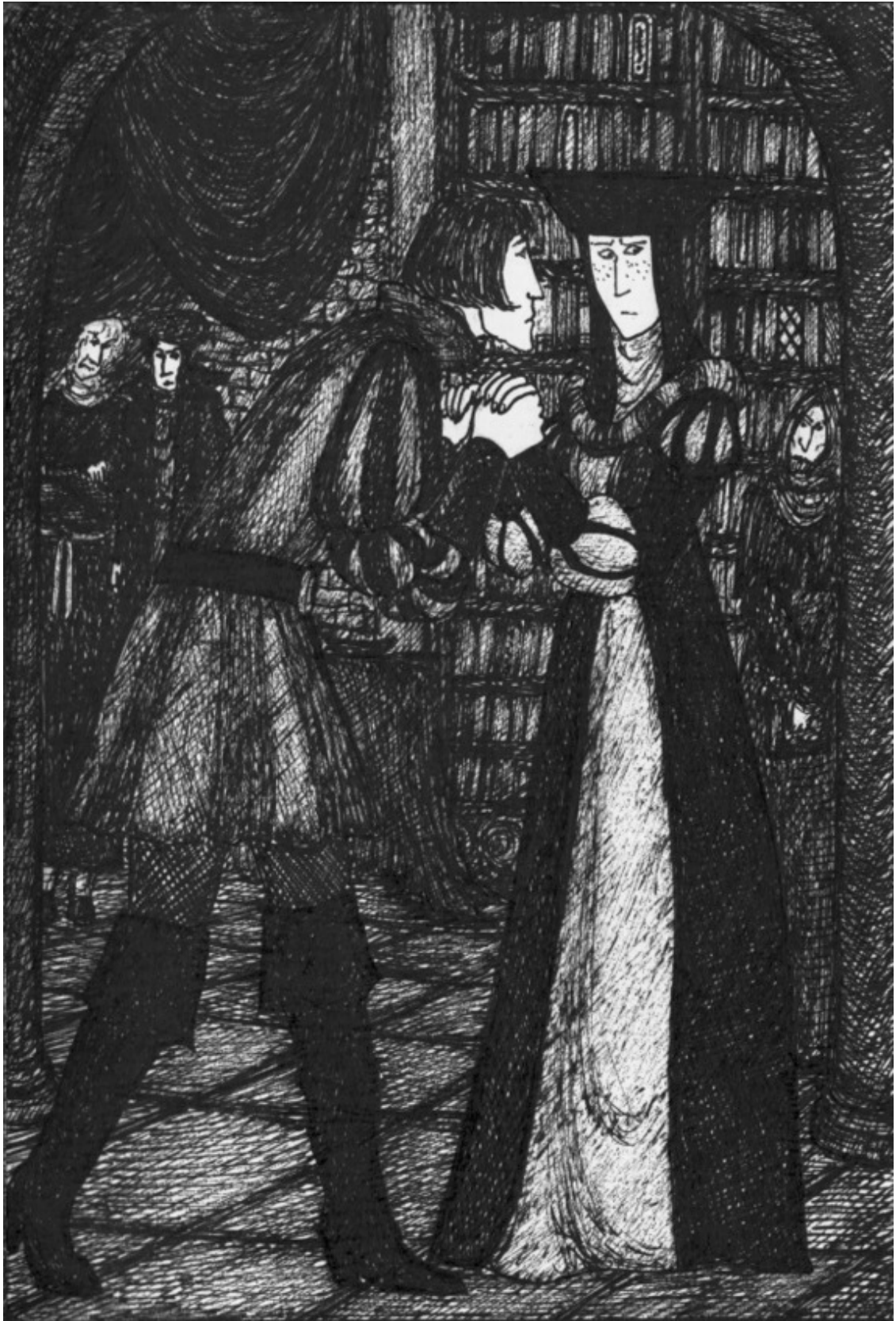
Летиция перед большим столом стояла.
Барон звал ее, но места не было для нее.
Тогда он уступил ей свое, трону подобное,
Возвышающееся над блюдами с едой.
Ей была предложена смесь несочетаемая —

Жареная рыба со сладким бланманже.
Не выдавая неловкость, она есть пыталась,
Но до рта далеко было нести любой кусок.
Как бы она ни хотела едой насладиться,
Критические взгляды ощущала всегда.
Писатели с двух сторон кормили ее ложью,
Заставляя ее чувствовать подделкой себя.
Темнота не могла скрыть их презрения
К чужачке, что к ним осмелилась войти
В их скрытый мир, сообщество элиты,
В то место, где избранные могут все.
Ей следовало остаться в своем окружении,
Где ее приняли, где ее история началась.
Ведь Летиция в глубине души знала,
Что быть услышанной заслуживала она.

После трапезы Летиция уйти пожелала.
Без даров библиотеки она могла жить.
После бы все странным сном показалось,
Если бы к себе в монастырь вернулась она.
Барон держал крепко, отпускать не желая,

Ее ум восхваляя, умолял стать его женой.
Что лишь ее ждал всю жизнь, утверждая,
Что они вместе уже потерялись во тьме.
Любовь была огнем всепоглощающим,
Вера была водой, чтобы его погасить.
Летиция в монашестве небеса выбрала,
Чтобы на земле не принадлежать никому.
Ее обет безбрачия – не неволя, а защита,
Никому не позволит владеть ею целиком.
Она отвергла Барона, на клятву ссылаясь,
В ответ он поклялся, что умрет без нее.
Она понимала, что должна его утешить,
Но не ценой свободы собственной души,
Ибо она была предназначена для большего,
И лишь молиться за него могла обещать.

Летиция отказывалась уступать Барону.
Выбору меж предреченной смертью его
И столь же вероятной своей кончиной,
Она не позволяла диктовать свою судьбу.
Вера ее в разные стороны разрывала,

И не подсказывала, как не предать ее.
Но Летиция вспомнила совет матери:
«Чтобы оставили в покое, разочаруй».
Она в монастырь письмо написала,
Запросила себе новую работу в нем.
Желаниям и манипуляциям Барона
Что не поддастся, она дала понять.
Барон ее уверял, что ему достаточно,
Просто чтобы Летиция рядом была.
он подписал письмо с горькой улыбкой,
И она мрачно свои условия произнесла:
«Я останусь, пока не перепишу все книги.
Но если когда-либо ваши люди или вы
Покуситесь на мою честь и целомудрие,
Небесная кара обрушится на вас всех».

Барон тихо смотрел, как она устремилась
К книжным полкам с рвением в душе.
Без лишних слов, он выделил ей комнату,
Где она могла читать днями напролет.
Она могла обсуждать книги с ним часами,
Но он все реже разговаривать с ней стал.

Чтобы она могла выполнять свою работу,
Чернила и переплеты он предоставил ей.
Летиция забыла все былые опасения,
И с радостью принимала подарки его,
Носила наряды, радующие глаз Барона,
Забываясь в умопомрачительных трудах.
Она охватывала мир открытий и фантазий,
Наслаждаясь выбором, впервые данным ей.
Жадно впитывала слова каждой истории.
Парила на крыльях страсти познания наук.
Она представляла себя античной богиней,
Беззастенчиво по библиотеке кружась.
Копалась в книгах, наконец, почувствовав:
Быть любимой – не обязательно страдать.

Священные тексты гласили об искушении,
Которому все женщины поддаются легко.
Хоть Летиция не оказалась исключением,
Не демоны, а возможности искушали ее —
Поняла она, осмыслив жизнь в библиотеке,

Среди рукописей, не выдавших солнца свет.
Она променяла работы святых на книги,
Безмерно расширяющие ясный кругозор.
Ее разум жаждал запретных знаний,
Книги завали ее в лабиринты глубин.
О той пустой, ограничивающей жизни
Ее память стремительно угасала здесь.
Великие мыслители называли мерилom
Верности – угождение другим ценой себя.
Зная о счастье без причинения страданий,
Поспорить с ними Летиция теперь могла.
Через книги она постигала невозможное,
Тайны вселенной и человеческой души.
Они уносили ее, подальше от проклятья,
Но что близко было, то скрывали от глаз.

Ожидать от короля поведения мыши —
Было так же тревожаще, как звучало то.
Но на Барона возлагалось мало ожиданий,
Летиция не задумывалась, правит ли он.
Она глаза не поднимала, чтобы заметить,
Как постоянно его болезненность росла.

Вскоре он начал бояться ей навязываться.
Летиция не видела его, отрываясь от книг.
Стены библиотеки ее заботой окружили.
В загадочном пространстве уютный уголок.
Она желала только исследовать дальше,
Лишь на страницах по-настоящему жила.
Ей не нужно было ничего другого, кроме
Путешествий по другим странам и морям.
Повсюду для нее было особое место,
Как в ее сознании место было для них.
Барон мог быть замкнутой натурой,
Как мир Летиции был насыщен и богат.
Внешний мир казался ей лишь помехой,
В ее собственном царстве книг и грез.

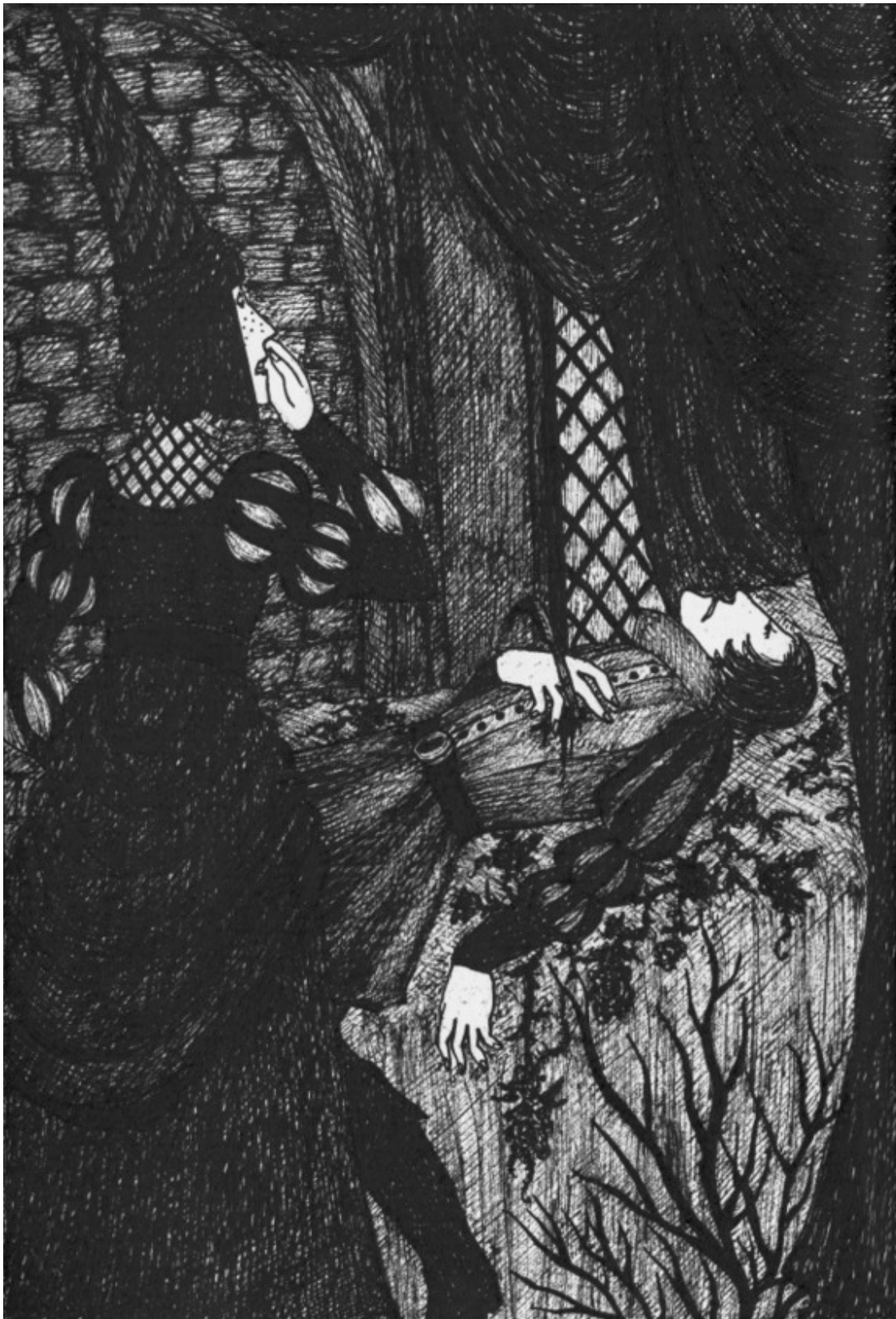
Месяцы проходили незаметно, без света.
Летицию от работы не отвлекало ничего.
Не чувствовала ни голода, ни усталости,
Она ела в одиночестве, спала, когда могла.
Шепот творцов о женщинах в литературе,

Что она оскверняла труды, переписывая их,
Для нее стал шумом крошащегося камня.
Одна ее страсть к своему делу крушила его.
Она сама выбирала книги для копирования,
Не обязанная недобрые мнения терпеть.
Ее не заботило, куда отправляют книги,
Ведь сама она уже получила из них все.
Книги перекраивала, создавала заново.
Брала чужие работы и правдой делала их.
Жила радостью письма, к перу любовью,
В маленьком мирке среди мира мужчин.
Все закончилось, когда ее перо исчезло,
С железным наконечником, из первых одно.
В поисках инструмента Летиция бродила,
Осматривала все места, в которых была.

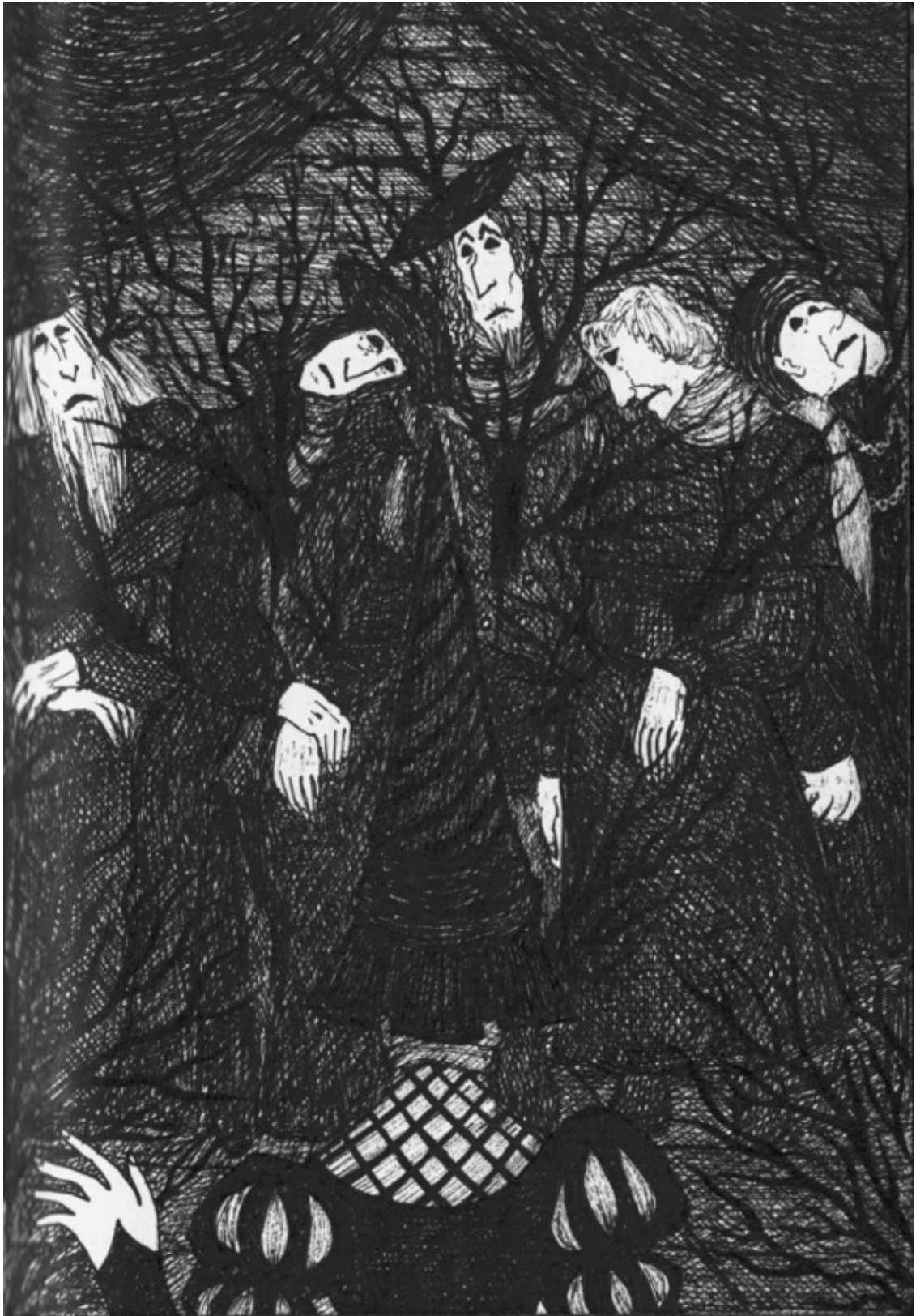
Летиция добралась до покоев Барона.
Среди черных ветвей и роз она нашла
Перо, насмерть пронзившее его сердце.
Безмолвный крик, безжизненный сон.
Мог ли он сам нанести себе такую рану,
Если она не кололась до крови иглой?

Или свыше рука судьбоносная незримо
Отправила его за грехи в вечный туман?
Боялся ли он, что ограничивал Летицию,
Мешая ей идти по затененному пути?
Или же забота о ней его обременяла,
В пучину отчаяния отправляя его?
Боялся ли он подойти слишком близко
К святой сестре, которую боготворил?
Или его мысли наполнились пороком,
И он пытался повесить на нее вину?
Так или иначе, он вышел за завесу,
Не ожидая получить раскаяния от нее.
Когда он мертв, ничего нельзя исправить,
Лишь тенью молчаливого покоя стать.

Позже Летиция увидела писателей.
Их также постигла загадочная смерть.
Словно сквозь глухие каменные стены,
Голые ветви проросли сквозь их плоть.
Сияние великих авторов, некогда слепящее,

Померкло сразу, как она узнала их в лицо.
Достоинства текстов не было в телах их,
Истинные их намерения были невысоки.
Она больше не чувствовала могущества,
Что однажды приписывала их словам.
Раньше уважала то, с чем не соглашалась,
Теперь видела одни недостатки во всем.
Летиция могла писать целые трактаты
Опровергая лучшие произведения их.
Столь многого им она не высказала,
Но, в конце концов, они были мертвы.
Писатели мертвыми уже давно были,
Их наследие временем приглушено.
И Летиция поняла, что не для того,
Чтоб с мертвыми спорить на свете живет.

Свой опыт больше истины приносит, чем
Умозаключения, рожденные неполнотой.
Летиция усвоила этот урок в лаборатории,
Найдя, откуда корни черных ветвей росли.
Жалкие существа были заключены в сосуды,
Мелкие человечки, крылатые как моль.

Летиция не сомневалась, то феи – сильфы,
Способные свободно проникать в мир людей.
Полупрозрачные они за стеклом порхали,
С несчастными глазами на пустом лице.
Летиция почувствовала связь с ними,
На испытанную раньше не похожую совсем.
В момент у нее сложилась ясная картина:
Это место погубило их присутствие само.
Как выкуп достали писателей из прошлого,
Нарушение уговора к проклятью привело.
Барон влюбился и пригласил ее остаться,
Лишь для того, чтобы она сильфов нашла.
Когда он сделал все, чтобы помешать ей,
Проиграл безумию безответной любви.

В голове Летиции пронесся вихрь мыслей,
Когда на стеклянные сосуды смотрела она.
Почему сильфы не могли выбраться сами?
Было ли дело в железе или материи иной?
Эфирные создания, вездесущие, как воздух,

Они жили по законам, что не объяснить.
Могли делать все, о чем люди мечтали,
Но того, что под силу человеку, не могли.
Летиция морок сбросила будто впервые,
И осознала неестественность всего вокруг.
Какую сказку для себя она представила,
И каково в ней в действительности жить.
Жестокость Барона фей все еще терзала,
Но была ли Летиция марионеткой их?
Бежать ли ей и из-под их чар вырваться?
Или действовать и возмездия избежать?
Меж гневом и ужасом она сделала выбор:
И поступила так, как боялась больше.
Разрушила лабораторию, отпустив сильфов.
Лишь чтобы они исчезли, хотела она тогда.

Сильфов освободив, Летиция бежала,
Боясь узнать, что будет с местом тем,
Однако на винтовой лестнице остановилась:
Удерживаемая историями живших у фей.
Некоторые спустя много лет возвращались,

И все, кого они знали, уже были мертвы.
Другие рассыпались в прах, едва ступая
На родную землю – время нагоняло их.
С чувством безнадеги она вниз вернулась,
Путь в монастырь ей был теперь закрыт.
Ее знания о мире навсегда перевернулись.
В беспомощности вечной ее ждала судьба.
Заглушив свой внутренний крик книгами,
Беспокойный ум Летиции большего искал.
Истину, которая потрясет бытия основы,
Откровение, что установит порядок иной.
В море слов не должна была Летиция
Дать буйным идеям ее разум пожрать.
Но ее истина все еще не была найдена,
И новые страницы продолжали манить.

Усталость, до сих пор не приходившая,
Начала возвращаться и брать свое.
Летиция читала до изнеможения
Стараясь как можно больше охватить.
Она не знала время, что ей осталось,
Но знала, на что стоило потратить его.

Для нее не было другого наслаждения,
Чем сила слова, цветущая в ее устах.
Боялась спать, ведь нельзя доверять снам.
И если сейчас она провалится в мир грез,
То не сможет понять: она вернулась, или
Все – лишь продолжение цепочки снов.
Силой старалась она удержать сознание,
Заставляя себя прочитанное понимать.
Но поток мыслей и растущий вес знаний
Все же не смогли утомление перебороть.
Однако в ту ночь унесла с собой Летиция
Небольшую победу и не видела снов.
Не могли даже благодарные сильфы
Влезть в ее голову своим волшебством.

Летиция просыпалась медленно и тяжело.
Дурмящий аромат цветов окутывал ее.
Он витал в воздухе, густой и удушливый,
И рядом не было видно настоящих цветов.
Ее тело в роскошную постель погружалось,
Мягче, чем кровать в доме Барона была.

Летиция могла бы продолжать нежиться,
Но осознала, что пошевелиться не могла.
Полупрозрачная вуаль ее глаза застилала,
Которые ни протереть, ни снова закрыть.
Но было что-то умиротворяющее в этом
Состоянии, что к преображению вело.
Жизнь была подобна потоку сознания,
Текущему сквозь настоящее присутствие.
Самых возвышенных глубин познания
Достичь обычными средствами нельзя.
Летиция поддалась неопределенности,
Прислушалась к чувствам, узнала себя.
И когда она вспомнила произошедшее,
С ее внимательных глаз спала пелена.

Летиция всех дам и господ разглядывала,
Что временами склонялись над лицом ее.
Некто сделан из дерева, некто – из золота,
Все были похожи на людей, но не совсем.

Летиция не могла наверняка убедиться.
Слишком быстро сменялись лица их.
Они обеспокоенно переговаривались,
Неразборчиво, на неизвестном языке.
Летиция пыталась выяснить, кто они,
Почему у них странные глаза и голоса.
Однако на ум ей ничего не приходило,
Кроме одного, что вечными были они.
Летицию бесконечностью ожидания
Эта навязчивая мысль начала пугать.
Но вскоре толпа игриво расступилась,
Без сомнений, перед Королевой Фей.
Она плыла к ней, изящная и неземная,
Излучающая красоту, грацию и мощь.
Ее взгляд был острее раскаленной пики,
Мудрость и коварство таила улыбка ее.

**Королева Фей над Летицией склонилась,
Звонким шепотом легко развеяла сон.
На волшебное царство глаза ей открыла,**

**Изменив ее реальность, дав вздохнуть.
Власть над телом и чувствами вернула
Разуму Летиции, что стала понимать
Отдающиеся эхом слова Королевы:
«Лето, до чего же долго я искала тебя».
Лето... имя, звучащее в древних текстах,
Похожее на имя, что родителями дано.
Настоящее имя называть не следовало,
Имея дело с дивными, вспомнила она.
Лето, больше не Летиция, беспомощно
Переживала рождение новой части себя.
Часть, оставшаяся в прошлом, трепетала.
Боясь судьбы игрушки непостоянных фей.
Но в руках Королевы Фей не было угрозы,
В неподвижности безмятежность была.
Лето, больше не чувствуя себя прежней,
Без сопротивленья это имя приняла.**

Когда одно заклятье другим сменилось,
Лето пыталась, но сути не могла найти.
Смятение затуманивало ее восприятие:
Какие чувства принадлежали только ей?
Что из того, что казалось ей понятным,
Снова будет перевернуто Королевой Фей?

Краем глаза окинула двор дивного народа,
Пытаясь в их лицах ожиданья прочитать.
Ведь если предназначено ей это место,
Она не будет жить так, как раньше жила.
Однако не сможет смириться, если феи
Похитили ее, чтоб она им детей принесла.
Придворные восхваляли ее прибытие к ним,
Как некое чудо, что Королевой сотворено.
Королева Фей от нее глаз не отводила,
Ответила властно, остановив хор хвалы:
«Настоящее чудо еще сотворит Лето —
Искусства и воинственности мать».
Лето сомневалась, но ей нравилась идея
Метафорической прародительницей стать.

Королева Фей вывела Лето во двор замка,
Где такие яркие и смелые феи собрались.
Лето стать одной из них предпочла бы,
Но была ли для этого места она рождена?
Некогда подменьшем ее называли соседи.
Ее семья, приложив усилия, опровергла то.

И все же, когда люди говорят «подменьш»,
Может, «сородич» – слышится для фей.
Королева считала, Лето им помочь могла,
Все потому, что она – человеческое дитя.
Ее волшебницей из рода людей считали,
Сама Лето не питала заоблачных надежд.
Людьми не истребленные, но изгнанные феи
Были заперты в землях погибели и мечты.
Они рассказали, как хотят назад вернуться,
Через проход, что откроется человеку лишь.
«Нам не бывать собой вдали от родины,
Однако в твоей сущности хранится ключ.
Ты освободила тончайших, стены разбила,
Ты сможешь привести нас в Страну Фей».

Лето на ликующую толпу оглянулась.
Свою миссию среди них осознала она:
Направить эти заблудшие души к покою,
Или падших ангелов вернуть на небеса.
Серая пустота перед Лето расстилалась,
Не обещая просвета в предстоящем пути.

Фей радостно на край света ее отправляли,
Вечно блуждать в поисках забытых врат.
Лесной Рыцарь ее немую мольбу услышал
И через чащобу вызвался ее сопровождать.
Посадил ее на коня и строго принес клятву,
Что на дороге доблести не оставит ее.
Рыцарь леса, хранитель зеленого царства,
Был так же суров и щедр, как его земля.
Он дал понять, что нарушений не терпит,
Но чтящим законы верен без конца.
Он оставил охрану древних деревьев,
Ради того, чтобы порядок сохранить.
Защитить Страну Фей от грядущего хаоса,
И дорогу Лето от неверных троп оградить.

Лето и Лесной Рыцарь скакали по лесу,
Кручам заросшим и цветущим лугам,
Но охотно покинуть чарующее место,
Лето не могла понять желанья фей.
Непокорные деревья вились волнами,

Их корни конские ноги ловили в сеть.
Лесной Рыцарь насквозь пролетал их,
Но Лето выпутываться приходилось самой.
В эти моменты она любовалась зеленью,
И гадала, что эти густые заросли таят.
Но Лесной Рыцарь далеко впереди был,
Лето лишь чудом могла поспевать за ним.
Ей хотелось познать суть пышного леса,
Приобщиться к таинству и величию его.
Но феи шептали о недостижимом мире,
Где мечты исполнялись, и сияли цветы.
Этот лес был во власти земных законов,
Лето раем представляла Страну Фей,
Что лежал за двойной радугой в поле —
Божественным знаком, ведущим на небеса.

Они спешили перед мрачной пещерой,
Лесной Рыцарь меч в руки Лето вложил.
Меч, ему от Королевы Фей доставшийся,
Зачарованный, чтобы перемены нести.
Меч, выкованный для женской хватки,
Терпеливо истинной воительницы ждал,

Что пробудит его силу, с ним чары развеет,
И одолеет самую могущественную тварь.
Лето, с оружием войны была незнакома,
Не умела обращаться с изящным клинком.
Сердце билось от сомнения и страха:
Ее вера не позволяла ей жизни лишать.
То мало значило для Рыцаря Лесного.
Как дерево гибкое выпрямлялось всегда,
Продолжая тянуться к цели, как к солнцу,
Он, двигаясь вперед, преграды огибал.
Говорил он ей: «Лишь невинная дева
С помыслами чистыми сможет победить
Чудовище в пещере, однако, знать должна:
Грань между героем и чудовищем тонка».

Молвил Рыцарь: «Здесь мы разделимся.
Как в заколдованную пещеру войдешь ты,
Я не смогу прийти на помощь, ибо оттуда
Ни один мужчина не возвращался живым».
Рыцарь покинул Лето у заросшего входа,

Обещая ждать, сколь бы ни длился ее поход.
Пусть она вернется в иное время и место,
Лес вездесущ и вечен, он дождетя ее там.
Слабо утешало, что ей не грозит опасность,
Ибо женщина из человеческого рода она.
Что мнили о них существа вне времени?
Какую силу они углядели в хрупкости ее?
Ответы поджидали в пещере погибели,
Где мог быть спрятан ход в Страну Фей.
Лето услышала голосов далекое эхо,
Навсегда потерявшихся где-то в ней.
В пещеру, пропитанную древней силой,
Она ступила туда, куда Рыцарь не смел.
Последние врата, оставленные человеком,
Бессердечное чудовище охраняло их.

В глубине пещеры, среди россыпи цветов,
Пробивающимся света лучом озаренная,
Нимфа божественной красоты сидела одна
На груде костей, но не была чудовищем.
Отчего она заливала кости росой слез?
Была ли она жертвой, пленницей мрака?

Или раскаяние переполняло глаза ее,
Когда она смотрела на потерянные жизни?
Лето не могла примириться с легендами
О чудовищах в облике прекрасных дев,
Они насилие над невинными одобряли,
Давали повод отродьями женщин назвать.
Но также они о женской силе напоминали,
Смиренной лишь к естественности своей,
Первозданной дикости, очерненной веками,
Неудержимой, что еще могла вдохновлять.
Лето выронила меч, в Нимфе мощь почуяв,
Запретную мощь, какой так не хватало ей.
Меняя свою историю, Лето меч отбросила,
Согласная, чтоб за послушанье мир убил ее.

**Лето испытывала пугающее притяжение,
К Нимфе невольно приближалась пока.
Болезненно осознавала причину, почему
Ни один мужчина из пещеры не ушел.
Феи выбрали отправить ее напрасно,**

**Ведь она подвластна чарам Нимфы была.
Не могла противиться ее обольщению,
Ей было мало восхищаться лишь издалика.
У Нимфы было все, о чем мечтала Лето,
Но сама она не стремилась стать такой.
Она жаждала нежно стереть ее слезы,
Умолять сделать с ней, что пожелает та.
Но в объятиях Нимфы, Лето понимала,
Что нашла бы бесславную кончину лишь.
Ее обезличенные кости бы упали в кучу,
С последней памятью исчезла бы душа.
Пока она не зашла далеко слишком,
Лето сопротивляться была должна,
Ради всего, что еще могла совершить,
Ради всех фей, рассчитывающих на нее.**

«Ты здесь, чтобы спасти мой садик?», —
Цветочная Нимфа спросила, гостью увидав.
Лето стояла перед ней, не как остальные,
Ошибочности порыва своего стыдясь.
Сырой запах мертвых растений развеял
Ее неожиданно вспыхнувшую страсть.

В ловушку для мужчин Лето попалась,
Но женская суть все равно спасла ее.
Нимфа видела в ней подругу и помощницу,
И Лето сохранить свою добродетель могла.
В глазах, полных слез, проблеск надежды,
Затмил горечь сожаления в сердце ее.
Неважно, чего она жаждала в наваждении,
Неважно, чего Лесной Рыцарь ожидал.
Не став жертвой Нимфы, ни ее убийцей,
Она найдет чудище, причинившее ей боль.
«О чем ты горюешь? – Лето спросила,
Робко ища лицо Нимфы под сенью волос. —
Расскажи, что случилось с твоим садом».
Пришло время ответить на несчастный зов.

«Я пришла в пещеру, от тревог подальше, —
Цветочная Нимфа Лето вглубь повела, —
Наполнила ее приносящими тепло цветами
И удовольствия жизни в холод и тень.
Цветам не нужны нежные лучи солнца,

Когда их освещает моя негаснущая любовь.
Не нужно небо, чтобы в дожде купаться,
Когда есть прохлада моих льющихся слез.
Мы процветали в тишине, прохладной
Но о моем приюте известно стало потом.
Ко мне приходили, чтобы никогда не уйти,
Однако молва обо мне продолжала расти.
Так пришел Чародей не чтобы насытить
Мой чудесный сад, а чтобы его отравить.
Он создал свой сад, бесплодный и гниющий,
Паразитом пирующий на моих корнях.
Он сеет разложение своей злой улыбкой,
Только ради того, чтобы овладеть мной.
Пусть мои корни срослись с этим местом,
Но я все равно никогда не отдамся ему».

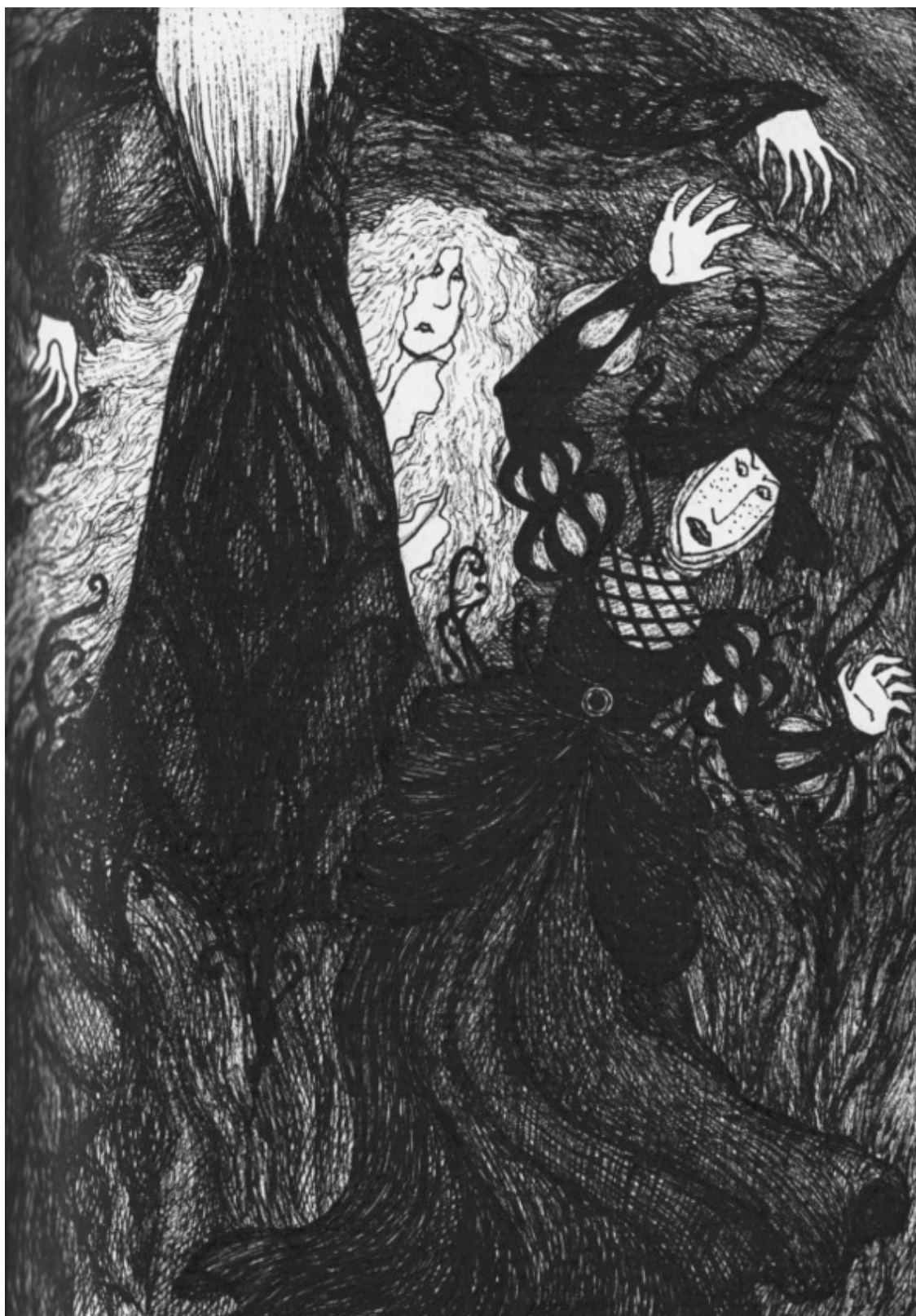
Чародей покосился на Лето с ухмылкой,
Его вкрадчивость пробирала до костей.
«Нимфа лишь следует своей природе,
Как цветы манят мух, завлекает жертв.
В пещере ее саду не хватает света солнца,
Потому она должна его кровью поить.

Ее тело не может быть цветущим вечно,
Потому ей нужно плотью его кормить.
Она – распутившаяся трупная лилия,
Питающаяся втянутыми в бездну ее».
«Нет, мой цветок для тех опасен,
Кто приходит, пытаясь сорвать его».
«Только для глупцов нетерпеливых,
Падких на соблазны, что силой берут.
Бросаясь в пекло, никогда не знаешь,
Сколько сможешь выдержать его жар.
А медленный шаг лишь боль продлевает.
Но неправда, что безвредного пути нет.
Если вкусить ее нектар добьешься права,
Он будет слаще, чем лилейника бутон».

Лепестки цветов, когда-то яркие и нежные
Испорчены ядом из прогнивших недр.
Красавица, хранящая дар смертельный,
Бессильна, чтобы вперед атаковать.
Чародей не переступал границы рока,

Свои поступки обеляя, измором брал.
Пытавшаяся за Нимфу заступиться
Лето против него еще беспомощней была.
Чародей глянул на нее с пренебрежением,
Сказал: «Ты – тоже прекрасный цветок.
Для тебя место в моем саду найдется».
Дал знак, и разверзлась под ногами земля.
Лихорадочно Лето цеплялась за корни,
Те сплетались вокруг и тащили ее вниз.
Прежде чем стремительно на дно рухнуть,
Последние слова Чародея расслышала она.
«Кем была твоя мимолетная знакомая?
Единственной дружеской формой жизни,
Способной говорить?» Не ответила Нимфа.
Или до той глубины голос ее не достал.

С тяжелым ударом Лето приземлилась,
И погрузились в почву корни под ней.
Она среди гигантских цветов оказалась,
За ее спиной белоснежная лилия росла.
Лето почувствовала связь с ней, словно
Лилия проросла из самого ее существа.

Жизнь цветка изящества и непорочности
Ей обещала лишь нескончаемую нужду.
Она станет зависимой от воды и света —
Немного цветку нужно, чтобы не увясть.
Однако она будет привязанной к месту,
В глухой каверне, где их не добыть самой.
Ей выделяют малость, чтоб не дать умереть,
Только если она не позволит о себе забыть.
Отныне как попрошайка упиваться будет
Всем, что как должное принимала она.
Она – цветок в увядающем саду Чародея,
Откуда будет тщетно пытаться сбежать,
Пока не исчезнут последние воспоминанья,
Какой ее жизнь за пределами сада была.

Лето услышала шепотки из-под цветов,
Призывающие ее быть жестокой и смелой,
Двигаться, чтобы среди толпы выделяться,
Заставить преклоняться в восхищении всех.
«Предупреждай всех, – они направляли, —

Что ты смотришь на них как на пример.
Как своих ненавидь чужих возлюбленных, —
Советовали. – Даже если больно, кричи».
Девушки под каждым цветком сидели,
Лето видела: чахли и увядали все они,
В тени цветка колючего и неприхотливого,
Что, разросшись, нежные растения душил.
Леди Чертополоха возненавидела Лето:
В красе белой лилии угрозу видела она.
Уверившись, что в чистоте и молодости,
Та помешает ей над всеми процветать.
Лето знала связь меж игрой и наказанием,
Непоколебимая в сострадании своем.
Не участвовать в спектакле зависти —
Единственное, что она сделать могла.

Леди Чертополоха извести Лето желала.
Жизнь по сокам корней могла прочесть ее,
Но не что та отказалась быть жертвой,
Без сил, поклялась подавленной не быть.
«Отдай мне красоту, которую не ценишь, —
Тщетно она условия свои навязывала ей, —

И я не стану затмевать тебя так сильно».
Но Лето лишь мрачно отвернулась от нее:
«Дома меня красивой никогда не считали,
Однако я себя любила именно такой.
Не важна внешность, ибо красивые лица
Никого не должны достоинства лишать».
«Покорись, я найду убийц твоих родителей».
«Зачем? Я знаю, они уже наказали себя.
Боялись прикоснуться ко мне, в надежде,
Что я раскрою истинное лицо или пропаду.
Я слышала, одного из них после казнили.
Остальные последующее обращение мое
К вере небесной благим знаком признали,
К становлению человеком верным путем».

Против всего сада Чародея Лето стояла,
Отказывающаяся делать, что велели ей.
Леди Чертополоха презрительно шипела:
«Никогда не поздно отказаться от себя».
Но Лето знала: все от нее этого хотели,

Только честные обещания не пленяли ее.
Сад походил на монастырь в устройстве,
Однако создан был, чтобы поработать.
Небесная любовь давалась безусловно,
Но бесконечные правила навязала всем.
Вера была превращена в слепое послушанье,
Заповеди утратили изначальную заботу ее.
Но порядки сада Чародея создавались,
Чтобы стравливать женщин между собой.
Лишь потому, что он не получил желанное,
Его жадность стоила свободы остальным.
В мольбе об избавлении Лето воздела руки,
Сотрясая землю, привыкшую не отпускать,
Чем причинила всем обитательницам сада
Рвущихся связей неутрахающую боль.

В убежище Нимфы из скрытого сада
Лето в одно мгновение унесло прочь.
Слова молитвы ушей Чародея достигли,
И обратили его в бегство, чары забрав.
Но забытая рана на нем была вскрыта,
И он проклял Лето с человечеством всем.

Что ей дорого, могло жить ее в сердце,
Лишь до того, как обратится в пепел оно.
Растерянно она на ногах еле держалась,
Освобождение радости не принесло.
Палка о двух концах – сила молитвы,
Несла исцеление и начинала раздор.
Мощь человеческой веры оказалась
Всепоглощающей агонией для фей.
Но если надежда обернулась оружием,
Злоупотребление разрушило святость ее.
И в воздухе Лето чувствовала больше,
Чем очищение и светлое изгнание зла.
Все лежащие на поверхности ответы,
От истинных законов отводили глаза.

С уходом Чародея, цветы почерневшие
Начали соком наливаться и оживать.
Лето нашла свет среди теней отчаяния,
Нимфа ей несказанно благодарна была.
«Ты была не первой женщиной здесь,

Но первой, что решилась мне помочь.
Большинство пришли искать неверных,
С мезтью или страданиями за спиной.
Каждую Чародей пленил в своем саду,
Чтобы еще глубже наполнить ядом мой».
«Мне жаль, что они мучили друг друга, —
Лето сказала. – Объединиться не могли».
«Смогут ли они выбраться, я не знаю.
Им заново придется научиться жить.
Или они останутся и сделают сад домом.
А тебе предстоит еще многим помочь.
Возьми с собой цветок волшебный,
Способный исцелить любой недуг.
Пусть осветит он далекий путь твой,
И единожды его окрасит в алый цвет».

Лесной Рыцарь, страж непримиримый,
Когда встретил на выходе Лето, осерчал.
Ибо в ее руках горел цветок волшебный,
Напоенный кровью, выращенный тьмой.
«Тебе был дан великий меч Королевы,
Чтобы пронзить сердце злых тварей всех.

Ты его на связь с чудовищем променяла,
Теперь мое копье должно сразить тебя».
Как рыцарь последний, что убивать зло,
Уехав, дал обещание королеве своей.
Вернувшись, он поразил ее саму, узнав,
Как много невинных пало от ее рук.
Однако среди ее жертв не было невинных.
Ведь Рыцарь не мог женский опыт понять,
Что тайные поверья дочерей человеческих
И мечты в фейском обличе воплотил.
Лето лучше понимала Цветочную Нимфу,
Чем из дивного народа лесной сородич ее.
Обескуражено, она произнесла лишь:
«Почему вы так похожи на людей..?»

Лесной Рыцарь копьем высоко замахнулся.
Сила или слабость, дерево против цветка.
Смертоносный удар не достиг сердца Лето,
Чудодейственная сила раскрылась сама.
В стремлении любой ценой долг выполнить,

Рыцарь не чуял гнилой древесины внутри.
Исцеление возвратило его в чрево природы,
К первозданной растительной форме его.
Метаморфозы в сказаниях считались
Путем обмануть смерть и сначала начать.
Потерять душу растением безвольным —
Лето видела в этом жестокую судьбу.
Однако если тело ждала агония смерти,
А душа была на вечные муки обречена,
Освобождение от бремени разумности,
Полную безмятежность обещать могло.
Лесной Рыцарь остался стоять гордо,
Как дерево, вросшее в землю, был тверд,
Безмолвный страж, преданный долгу,
Остался цветочную пещеру охранять.

Лето ехала по дороге без направления,
С пустотой в груди, вновь оставшись одна.
Она не осталась без миссии грандиозной,
Но пещера цветов в Страну Фей не вела.
Ей предстояло снова вперед двигаться,
Без ожиданий и надежд, о доме забыв.

Чародей грозил, что пеплом все станет,
Что ей будет некуда возвращаться в конце.
Когда привычный мир вокруг опостылел,
Когда безрадостным стало знакомое все,
В другом измерении, что не реально,
Потеря дома казалась приятной мечтой.
Лето задумалась, куда бы она подалась,
Будь у нее, кроме монастыря, выбор иной.
Не переживая об усталости или голоде,
В землях фей она странствовать могла.
Она бы не пошла в этот край по своей воле,
Но могла выбраться из серости лишь так.
Лето опустила голову и тогда увидела,
Что яркими кристаллами усеяна тропа.

Цвета домов проглядывали в зелени.
Расступился перед Лето бескрайний лес.
Как уныло было все, позади оставшееся.
Как блестяще было все, ждущее впереди.
След из самоцветов вел к чудному городу,
Где драгоценными бликами сверкало все,

Где прекрасная музыка журчала отовсюду,
И волшебной мастерской был каждый дом.
То было сказочное место, полное искусства,
Где никакой дикости, никакого страха нет.
Среди величия природы негостеприимной
Сердце Лето тосковало по жизни городской.
С уютным одиночеством в ее обществе,
Со стенами, укрывающими от невзгод,
С невидимой поддержкой незнакомцев,
И всеми благами разделения труда.
Здесь Лето не искала ничего однозначного,
Где творчество разливало краски рекой.
Ни одно место не могло быть идеальным,
Но в видении от точки зрения зависело все.

Лето заглянула в сверкающую мастерскую.
Стены прозрачные, витрины из хрусталя
Выставляли напоказ диковинные формы.
Переливчатые вычурные вазы ловили свет.
Полупрозрачные перегородки размывали
Силуэты, тайны мастера скрывая за собой.

Колокола отзывались на мелодию горна
Симфонией артистизма гибкого стекла.
Все продавалось, но нагруженные полки
Выдавали, что частых покупателей нет.
Поэтому Лето могла видеть коллекцию,
И дивиться времени, отданному стеклу.
В ее городе простое стекло было роскошью,
Ей посчастливилось за витражами пожить.
Только коридоры чувствовали холод ночи,
Незастекленные, открытые внешней тьме.
Но, несмотря на жар стекла плавления,
В мастерской было прохладно и свежо.
В негаснущем пламени потустороннем
Изделия были закалены волшебством.

Затаив дыхание, Лето упоенно наблюдала
За Стеклодувом, что творил магию свою,
Из пузырей лавы дождевые пузыри делал,
Капли меда превращал в бесцветную смолу.
От огненного хаоса к утонченной форме,
Жар плавил низменное, к высоте возводя.

Руками мастера, из пыли формируясь,
Лето думала, вселенная создавалась так.
Неоконченные фигуры в воздухе парили.
Оживали аморфные и текучие вещества,
Искусно наполнялись легкостью и грацией.
Каждый перелив – мелодия мастерства.
Стеклодув новый мир творил играючи
Из материи всего сущего, цветущей в огне.
Мир насыщенных красок и тонов нежных,
Мир прозрачных истин и ответов всех.
Безупречно гладкий мир без шероховатости.
Жизни в совершенстве застывший мир.
Мир торжества различий в однородности.
Хрупкий мир, увековеченный в стекле.

Стеклодуд встретил Лето с радушием,
Напевно обратился к ней, растягивая стих,
Предложил присмотреть любую вещицу,
И обещал всего за одну песню ее уступить.
Попытка спросить его о чудесном городе,

Одной придирчивой нотой перебита была.
Он не желал слышать ничего, кроме пения.
Лето хотела потеряться в красоте стекла.
Пение Стеклодува мелодией сна звучало,
Слова были неуловимы, оставляя смысл,
При попытке повторить рифмы ускользали,
Звучащие строки не удерживались в уме.
Лето осенило, что язык фей ей неведом,
Лишь по воле Королевы она понимала его.
Но Стеклодув видел в молчании гордыню,
Он требовал мысли лишь в песне выражать.
Робким душам достаточно подбадривания,
Чтобы их дар божественный раскрыть.
Чудотворцы отбрасывали то, что слепые
С распростертыми объятьями приняли бы.

Лето пробовала уложить слова в мелодию.
Стекловуд прервал ее, возмущенно пропев,
Что ее голос дребезжащему стеклу подобен,
Извергнутые ей слова – нескладны и дики.
Диктовать условия легко мастеру было,

Ведь признанной вершины он уже достиг.
Придирался к тем, что не так безупречны
В том, чем он сам занимался всю жизнь.
Образ Лето выдумать ему было нетрудно,
Который она не сумела бы оправдать.
Мелочность его ожиданий ее уязвила,
Она ответила ему строками песни хоровой:
«Блажен друг, хвалящийся песнею своею,
Ведь он будет покоем разума одарен.
В одном голос не похож на мудрость —
В том, что он способен разрушить жизнь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.